

8. Romanova A. P., Yakushenkov S. N., Yakushenkova O. S. "Glyazhus' v tebya, kak v zerkalo, do golovokruzheniya", ili protoobrazy tela Chuzhogo v rossiyskom diskurse [Look at you, as in a mirror, to dizziness or proto-images of an Alien body in the Russian discourse]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian region: politics, economy, culture], 2011, no. 1, pp. 189–195.
9. Romanova A. P. Kul'turnaya bezopasnost' kak predmet filosofskikh diskussiy [Cultural safety as a subject of philosophical discussion]. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanities research], 2012, no. 4, pp. 255–259.
10. Suharnoe dovol'stvie voysk [Cracker rations of troops]. *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona*: in 86 vol. [Encyclopedic dictionary of Brockhaus and Efron: in 86 vol]. St. Petersburg, 1901, vol. 32.
11. Tokarev S. V. *Krest'yanskie kartofel'nye bunty* [Peasant potato riots]. Kirov, 1939.
12. Yuvenal. *Satiry* [Satires]. St. Peterburg, Aleteya Publ., 1994.
13. Yakushenkov S. N. Obraz Chuzhogo – ot dekonstruktsii k konstruktsii [The Alien's Image– from deconstruction to construction]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian region: politics, economy, culture], 2012, no. 3, pp. 242–249.
14. Yakushenkov S. N. Telo Varvara: konstruirovaniye obraza chuzhogo na kitayskom frontier [Barbarian body: constructing the Alien image on the Chinese frontier]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian region: politics, economy, culture], 2012, no. 4, pp. 233–240.
15. Yakushenkova O. S. Skazhi, chto ty esh', i ya skazhu, kto ty. Alimentarnyy kul'turnyy dialog s Chuzhim [Tell me what you eat and I will tell you who you are. Alimentary cultural dialogue with a Stranger] *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian region: politics, economy, culture], 2014, no. 2, pp. 319–326.
16. Yakushenkova O. S. Transgressiya kak sposob sushchestvovaniya v usloviyah frontimoy geterotopii [Transgression as a mode of existence in the conditions of frontier heterotopia]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian region: politics, economy, culture], 2013, no. 4, pp. 262–267.
17. Albala K. *Food: A cultural Culinary History*. Chantilly, The Teaching Company Publ., 2013, p. 213.
18. Barthes R. Toward a Psychosociology of Contemporary Food Consumption. *Food and Culture*. Ed. by C. Counihan and P. Van Esteric. N.Y., Routledge Publ., 2013, pp. 23–24.
19. Honore C. *In Praise of Slow: Challenging the Cult of Speed*. N. Y.: Harper One, 2004.
20. Keeling K. K., Pollard S. T. *Critical Approaches to Food in Children's Literature*. N.Y., Routledge Publ., 2012.
21. Kelly M. G. *Biopolitical Imperialism*. Croydon, John Hunt Publ., 2015.
22. Levi-Strauss C. The Culinary Triangle. *Food and Culture*. Ed. by C. Counihan and P. Van Esteric. N.Y., Routledge Publ., 2013, pp. 40–47.
23. Montanari M. *Food is Culture*. N.Y., Columbia University Press Publ., 2006.
24. Tips S. C. Codex Alimentarius, Global Food Imperialism: A Compendium of Articles on Codex. *Foundation for Health Research*, 2007.
25. Trubek A. B. *Haute Cuisine: How the French Invented the Culinary Profession*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press Publ., 2000.
26. Wallach J. J. *How America Eats: A Social History of U. S. Food and Culture*. Lanham, Rowman & Littlefield Publ., 2013.
27. Wilk R. R. *Fast Food/Slow Food: The Cultural Economy of the Global Food System*. Plymouth, Rowman Altamira Publ., 2006.

КУЛЬТУРНАЯ САМОБЫТНОСТЬ МОНГОЛЪЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ «НЕЗАПАДНОЙ СОВРЕМЕННОСТИ»

Бадмаев Валерий Николаевич, доктор философских наук, Калмыцкий государственный университет, Российская Федерация, Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. Пушкина, 11, E-mail: badmav07@yandex.ru

Статья посвящена вопросам культурной самобытности монгольязычных народов. Автор предлагает исследовать тему в контексте теории «незападной современности» и дискуссий об «азиатских ценностях». Особое внимание уделено анализу феномена номадизма как особой модели социальной эволюции, как особой системе хозяйствования монгольязычных народов. Обосновывается необходимость разработки новых теоретико-методологических подходов к анализу культурной самобытности монгольязычных народов с позиций «незападной современности».

Ключевые слова: культурная самобытность, монгольязычные народы, идентичность, номадизм, глобализация, «незападная современность»

CULTURAL IDENTITY OF THE MONGOLIAN PEOPLES IN THE CONTEXT OF THE THEORY “OF NON-WESTERN MODERNITY”

Badmaev Valeriy N., Ph.D. (Philosophy), Kalmyk State University, 11 Pushkina Str., Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation, E-mail: badmav07@yandex.ru

Article is devoted to the cultural identity of Mongolian peoples. The author proposes to explore the topic in the context of the theory of “non-Western modernity” and discussions about “Asian values”. Particular attention is paid to the analysis of the phenomenon of nomadism as a special model of social evolution, as a special economic system of Mongolian peoples. The necessity of the development of new theoretical and methodological approaches to the analysis of the cultural identity of Mongolian peoples from positions of “non-Western modernity”.

Keywords: cultural identity, Mongolian peoples, identity, nomadism, globalization, the “non-Western modernity”

Старейший американский журнал “The Atlantic” (основан в 1857 г.) в майском номере за 2015 г. опубликовал статью Кристии Фриланд, управляющего директора Thomson Reuters, с весьма интересным названием “The Disintegration of the World” («Дезинтеграция мира»), где предлагается достаточно оригинальный форсайт-взгляд на будущее мира – не через глобальные политические или экономико-технологические тренды, а сквозь призму общественных настроений, выразителем которых является средний класс [1]. В статье приводятся следующие данные. Если в 2009 г. доля среднего класса составляла: в Северной Америке 18 %, в Центральной и Южной Америке – 10 %, в Европе – 36 %, в Азии – 28 %, то по прогнозам 2030 г. этот показатель достигнет 7; 6; 14 и 66 % соответственно. То есть, западные экономики будут испытывать стагнацию, глобальный средний класс переместится в Азию, и, следовательно, мировой центр приобретет «незападные» черты.

Оставляя за кадром собственно финансово-экономические аспекты данного прогноза «дезинтеграции мира», отметим, что одним из социокультурных последствий его станет и изменение в общественном сознании среднего класса (как обширного слоя современного общества с более высокой социальной устойчивостью), восприятие мира может измениться с западного на незападный.

Указанный аспект, как и многие другие прогнозы «подъема Азии» [2], актуализирует дихотомию «Запад – не-Запад», которая имеет долгую историю эволюции и приобретает сегодня новые характеристики. Она может быть осмыслена с учётом интеллектуально-духовных реалий современной жизни, а именно в дискурсе незападной современности [3].

В незападных странах процесс адаптации к постоянно меняющимся условиям характеризуется своими особенностями. Следовательно, можно говорить о «незападной современности» (термин Н. Гёле [4]). При характеристике «незападной» современности оперируют такими терминами, как «плюральные современности» («многообразные модерности»), «альтернативный модерн (современность)», «локальная современность» и др.

Как известно, понятие «незападная современность» основывается на той идее, что национальная социокультурная традиция обуславливает вариативность процессов «осовременивания» в мире, что конституирует неприменимость к ней «западно-европейской матрицы».

Для теоретизации незападной современности необходимо изменить угол зрения: вновь рассмотреть современность в зеркале незападных обществ, а не западные общества в зеркале современности. Понятие «незападная современность» нацелена на понимание отношений «незападные общества – современность» [3].

Во многом это связано с разновекторностью, противоречивостью, нелинейностью развития современного мира (глобализация и локализация, национальная интеграция и мультикультурализм, полюса Запад-Восток, Север-Юг и т.д.). Все это обуславливает отрицание единого для всего мира алгоритма культурно-исторического развития, актуализирует важность мультилинейного подхода к оценке как исторического процесса, так и современности. Существенно возрастает «роль диалога как связующего звена между культурными различиями, опирающегося на мультивидение глобального мира и мультиидентичности современного человека» [5, с. 44].

Можно предположить, что именно данные обстоятельства детерминировали дискуссии об «азиатских ценностях» и «азиатизации Азии»

Особого внимания здесь заслуживает подготовленный Европейским институтом азиатских исследований сборник статей с участием как европейских, так и азиатских исследователей, посвященный проблеме традиционных культурных и социальных ценностей азиатских обществ, их влияния на мировоззрение и поведение людей в современных условиях и отличия от европейских ценностей [6].

Приведем также мнение ученого из Сеульского национального университета Сон Енби, который, отмечая, что традиционные азиатские ценности в настоящее время испытывают серьезное давление со стороны экспансии глобального капитализма, задается вопросом, чем вызваны столь отрицательные оценки азиатских ценностей в последние годы, – «основаны ли они на строгом объективном анализе или это своего рода идеология, которая стремится оправдать гегемонию западных развитых экономик над азиатскими странами» [7, с. 110].

Идеологи «азиатских ценностей» считают, что Азия должна избрать свой собственный путь модернизации. Например, Хади Соесастро заявляет, что «в XXI в. Азия будет задавать тон, осуществлять руководство, определять конфигурацию Тихоокеанского региона и станет его центром. В этом состоит сущность возрождения Азии» [8, с. 313]. Масакацу Ямацукэ говорит о возникновении новой азиатской цивилизации [9], а Синтаро Ишихара провозглашает «конец европейского модернизма, бывшего в течение длительного времени динамичной силой глобальных изменений», и начало азиатского века [10, с. 412].

В данном контексте обратимся к анализу культурной идентичности монголоязычных народов. Культурная самобытность монголоязычных народов, ее философско-онтологические основания требуют всестороннего исследования, где должен быть увязан ее концептуальный анализ с мировоззренческими и методологическими тенденциями современного философского и общекультурного дискурса. Своеобразие современной постмодернистской ситуации как плюрализма культур и традиций ставит проблему выявления механизма развития культур монголоязычных народов с учетом, прежде всего, глобальных кросскультурных взаимодействий. Отсюда возникает целый ряд важных для философского осмысления данной проблемы вопросов, в частности вопрос о границах, разделяющих универсальное и самобытное, общечеловеческое и этническое.

В этом смысле проблема философского осмысления культурной самобытности монголоязычных народов как целостности в контексте «незападной современности» представляет чрезвычайную методологическую важность при анализе идентичности монголоязычных народов. Это важно не только в контексте общих культур-философских размышлений, но и видоизменяющейся идентичности. Этнокультурная идентичность – не столько данность, нуждающаяся в подтверждении, сколько заданность для свободного самоопределения и самореализации.

Целостное осмысление культурной самобытности монголоязычных народов важно для решения проблем их современной самоидентификации, а также для позиционирования относительно глобальных изменений, происходящих в мире. С помощью современного философско-культурологического анализа можно ответить на вопрос, что происходит внутри монголоязычных народов в современных социокультурных условиях, т.е. рассмотреть не «этнокультурные процессы» вообще, а исследовать общие этнофилософские основания картины мира монголоязычных народов, выявить скрытые механизмы, определяющие их культурную идентичность, возможные «сценарии» ее дальнейшего развития. При этом не забывая о том, что внутри-этнические процессы неразрывно связаны как с внешними условиями существования этносов, так и с историко-мифологическими, религиозно-культурными представлениями.

Особого внимания в этой связи заслуживает тема нomaдизма, как одной из ключевых характеристик картины мира монголоязычных народов.

Кочевниковедение, нomaдология, как одно из направлений востоковедения претерпевает сегодня процессы как научного объективного переосмысления, так и субъективной саморефлексии (со стороны представителей кочевых народов), основанной на познании самих себя, понимании своего прошлого, правильной оценки настоящего и перспектив будущего. Во многом это связано с методологическими поисками, необходимостью систематизации имеющегося эмпирического материала и дискуссионными вопросами о месте и роли нomaдизма как во всемирно-историческом процессе, так и в современной картине мира.

Понимание особенностей исторического развития кочевых обществ предполагает также необходимость выработки четкой терминологии исследования нomaдизма, уточнения понятий и дефиниций, отражающих различные стороны кочевой культуры. Важным является то, что при изучении феномена нomaдизма следует выработать и использовать терминологию, наиболее адекватно и лучше всего раскрывающую самобытные черты истории и культуры кочевых народов, роль и место их в историческом процессе. В большинстве случаев нецелесообразно использование по отношению к нomaдам терминов и понятий, с помощью которых характеризуются и интерпретируются явления из жизни оседлых, земледельческих обществ.

Следует отметить, что было бы упрощением воспринимать нomaдологию как концепцию, построенную исключительно на антипode европоцентризму и оседлости, как дихотомию «модернизм и архаизм», «динамика и статика».

Более того, на наш взгляд, кочевничество, традиционные виды хозяйствования и природопользования не должны рассматриваться только с экономической точки зрения. Здесь важна ментальность этноса, смыслонаполненность его бытия, сохранность окружающего мира и природы, экологического равновесия. Гуманитарное измерение выражается в экологической миссии кочевых народов как хранителей традиционной хозяйственной культуры. То есть, ценности нomaдической культуры, обуславливающие мышление и поведение кочевых народов, отражают гармонию взаимоотношений природы и человека.

Что касается современной ситуации, обратимся к работе С. Г. Жамбаловой, рассматривающей на основе проведенных полевых наблюдений кочевой образ жизни в современном мире через призму традиционализма и модернизации на примере монголов Монголии (Монгол улс), Автономного района Внутренняя Монголия Китая (АРВМ). Автор, отмечая факт масштабного существования в XXI в. нomaдизма, выделяет следующие модели адаптации монголов к современному миру: нomaдизм успешно сохраняется в одних пределах (Монголия, Китай), но постепенно утрачивается в других (Россия) [11, с. 149].

Приведем в этой связи некоторые статистические данные. Так, например, монгольский исследователь, ректор Улан-Баторского Эрлэм-Оюу института Алимаа Дорж отмечает, что в конце 2010 г. до четверти экономически активного населения Монголии была занята в традиционном пастбищно-кочевом животноводстве и, соответственно, ведет, в основном, кочевой образ жизни [12]. При этом среди важнейших проблем современного нomaдизма в Монголии (это не абстрактная, сугубо академическая, а вполне реальная и актуальная проблема, которая непосредственно затрагивает судьбы около 600 тысяч аратов-скотоводов и членов их семей) он называет вопросы, связанные со взаимоотношениями представителей и носителей самобытной кочевой монгольской культуры и цивилизации с представителями других оседлых и кочевых культур и цивилизаций.

Следует отметить, что сохранение кочевого скотоводства в Монголии ни в коей мере не означает отрицания прогресса. Оно во многом выступает условием выживания монгольского этноса, его самобытной культуры и уникальной окружающей среды. При этом современные животноводы Монголии успешно осваивают и используют в быту домашнюю технику, мобильные средства связи и транспорта, приспособившая их к кочевому образу жизни. Современная картина сельской местности Монголии демонстрирует опыт сочетания элементов городской культуры с кочевым бытом, создавая новые практики гибридной социокультурной идентичности.

В отношении монголов Автономного района Внутренняя Монголия Китая (АРВМ) С. Г. Жамбалова выделяет три условные группы, сформировавшиеся в результате длительных этнических процессов: «кочевники-скотоводы, сохранившие традиционный образ жизни, язык, обычаи, обряды, религию, насколько это возможно в начале XXI в.; оседлые земледельцы с этническим самосознанием монголов и китаизированным монгольским языком; монголы, формально сохраняющие данную этническую принадлежность для пользования льготами нацменьшинств, которые в Китае довольно существенны» [11, с. 148]. Далее, исследователь приходит к выводу о том, что дальнейшее развитие монголоязычных народов может быть

рассмотрено в контексте двух векторов: первый – длительное сохранение компонентов кочевого образа жизни в модернизированном обществе, второй – постепенный переход к западному образу жизни. При этом современные монголы Монголии и АРВМ в большой степени сохраняют традиционную культуру жизнеобеспечения, которая уходит из повседневной жизни монголоязычных народов России.

Вместе с тем необходимо отметить, что хотя нomaдизм более не является живой традицией современных калмыков, он по-прежнему сохраняет положение фундаментального элемента национального самосознания народа.

Таким образом, нomaдизм можно охарактеризовать как систему адаптации к среде обитания, которая обусловила специфические формы хозяйства, быта, социальной организации и культуры у народов, живущих кочевым образом жизни. Важно понимание нomaдизма как особой модели социальной эволюции, как особой системы хозяйствования и адаптации, сложившейся в определенных природно-экологических и исторических условиях, как самобытной культуры, системы ценностей и идентичности, которые сохраняются и сегодня, несмотря на глобальные процессы культурной унификации.

При этом современная нomaдология должна быть не очередной данью моде (исследование мобильности, виртуальности, неонomaдизма), а соответствовать уровню социальных и гуманитарных проблем, стоящих перед традиционными кочевыми народами. Важнейшим шагом на этом пути должна стать разработка как новых теоретико-методологических подходов к анализу культурной самобытности монголоязычных народов с позиций «незападной современности», так и поиск ответов на современные вызовы глобализирующегося мира с позиций культурной самобытности монголоязычных народов.

Список литературы

1. Chrystia Freeland. The Disintegration of the World “The Atlantic”. Электронные данные. Режим доступа: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/05/the-disintegration-of-the-world/389534/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ.
2. Доклад Национального Совета по разведке США «Глобальные тенденции 2030: Альтернативные миры». Декабрь 2012. (Global Trends 2030: Alternative Worlds). Официальный сайт Национального Совета по разведке. Электронные данные. Режим доступа: www.dni.gov/nic/globaltrends, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ.
3. Рзаева Р. О. Дихотомия «Запад – не Запад» в дискурсе незападной современности и постмодерна // Вопросы философии. 2012. № 12. С. 86–95.
4. Göle N. Melez Desenler İslam ve Modernlik Üzerine. İstanbul, 2008.
5. Badmaev V. N. Eurasianism as a “philosophy of nation” // Eurasian Integration: The View from Within, Ed. by Piotr Dutkiewicz and Richard Sakwa. Routledge, November, 2014. P. 333.
6. Asian values. An encounter with diversity / Ed. by Cauquelin J. et al. Richmond: Curson, 2000. Vol. 19. 207 p. (A publ. from the Europ. inst. for Asian studies).
7. Song Young-Bae. Crisis of culture identity in East Asia: on the meaning of Confucian ethics in the age of globalization // Asian philosophy. Abingdon, 2002. Vol. 12, № 2. P. 109–125.
8. Soesastro H. The Asia Pacific region on the Treshold of the 21 century // Indonesian quarterly. 1995. Vol. 4, № 23. P. 310–332.
9. Yamazaki M. Asia, a civilization in the making // Foreign affairs. N.Y., 1996. Vol. 75, № 4. P. 106–118.
10. Riegel K. G. “Asiatische Werte”. Die Asiatierungsdebatte in Kontext der Globalisierung // Ztschr. für Politik. Köln – Berlin, 2001. Jg. 48, № 4. S. 397–426.
11. Жамбалова С. Г. Кочевой образ жизни в современном мире: проблемы традиционализма и модернизации // Учёные записки Забайкальского государственного университета. Сер. «филология, история, востоковедение». 2012. № 2. С. 142–149.
12. Алимаа Дорж. Проблема нomaдизма в Монголии // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2012. № 2. С. 36–37.

References

1. Chrystia Freeland. *The Disintegration of the World “The Atlantic”*. Available at: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/05/the-disintegration-of-the-world/389534/>
2. *Global Trends 2030: Alternative Worlds*. Office of the Director of National Intelligence (DNI). Available at: www.dni.gov/nic/globaltrends.
3. Rzaeva R. O. Dihotomija “Zapad – ne Zapad” v diskurse nezapadnoj sovremennosti i postmoderna [The dichotomy of «the West - not the West» in the non-Western discourse of modernity and postmodernity]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 2012, no. 12, pp. 86–95.
4. Göle N. *Melez Desenler İslam ve Modernlik Üzerine*. İstanbul, 2008.
5. Badmaev V. N. Eurasianism as a “philosophy of nation”. *Eurasian Integration: The View from Within*. Ed. by Piotr Dutkiewicz and Richard Sakwa. Routledge, November, 2014, pp. 333.
6. *Asian values. An encounter with diversity*. Ed. by Cauquelin J. et al. Richmond, Curson Publ., 2000, vol. 19, 207 p. (A publ. from the Europ. inst. for Asian studies).
7. Song Young-Bae. Crisis of culture identity in East Asia: on the meaning of Confucian ethics in the age of globalization. *Asian philosophy*. Abingdon, 2002, Vol. 12, no. 2, pp. 109–125.
8. Soesastro H. The Asia Pacific region on the Treshold of the 21 century. *Indonesian quarterly*, 1995, vol. 4, no. 23, pp. 310–332.
9. Yamazaki M. Asia, a civilization in the making. *Foreign affairs*. N.Y., 1996, vol. 75, no. 4, pp. 106–118.
10. Riegel K. G. “Asiatische Werte”. Die Asiatierungsdebatte in Kontext der Globalisierung. *Ztschr. für Politik*. Köln – Berlin, 2001, vol. 48, no. 4, pp. 397–426.

11. Zhambalova S. G. Kochevoj obraz zhizni v sovremennom mire: problemy tradicionalizma i modernizacii [The nomadic way of life in the modern world: problems of traditionalism and modernization]. *Uchjonye zapiski Zabajkalskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: filologija, istorija, vostokovedenie* [Scientists notes the Trans-Baikal State University. Series: philology, history, oriental studies], 2012, no. 2, pp. 142–149.
12. Alimaa Dorzh. Problema nomadizma v Mongolii [The problem of nomadism in Mongolia]. *Izvestija Irkutskoj gosudarstvennoj jekonomicheskoy akademii (Bajkal'skij gosudarstvennyj universitet jekonomiki i prava)* [Proceedings of the Irkutsk State Economic Academy (Baikal State University of Economics and Law)], 2012, no. 2, pp. 36–37.

ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАНСГРЕССИИ НА ФРОНТИРЕ¹⁹

Топчиев Михаил Сергеевич, кандидат политических наук, ведущий специалист, Астраханский государственный университет, Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, E-mail: ceo.gfn@gmail.com

Дрягалов Вячеслав Сергеевич, ведущий специалист, Астраханский государственный университет, Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, E-mail: helios82@yandex.ru

Статья посвящена анализу актуальной в настоящее время пространственной проблематике, популярность которой продиктована междисциплинарностью данного феномена. Особое внимание в исследовании уделяется понятиям «граница» и «предел». Благодаря использованию постмодернистского подхода авторам удалось показать взаимосвязь границы и трансгрессии. Раскрывается особенность понятия религиозная трансгрессия. Помимо этого, в статье приводится современная трактовка понятия фронта, которая раскрывает его как комплексный и многогранный феномен, включающий в себя разнообразные аспекты. Авторами рассматривается проявление религиозной трансгрессии на пространствах фронта на примере российско-украинского пограничья.

Ключевые слова: граница, предел, трансгрессия, религиозная трансгрессия, фронт, приграничье

FEATURES OF RELIGIOUS TRANSGRESSION ON FRONTIER

Topchiev Mikhail S., Ph.D.(Policy), Leading Specialist, Astrakhan State University, 20a Tatishcheva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation, E-mail: ceo.gfn@gmail.com

Dryagalov Vyacheslav S., Leading Specialist, Astrakhan State University, 20a Tatishcheva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation, E-mail: helios82@yandex.ru

This article analyzes the current moment in the spatial problems, the popularity of which is dictated by the interdisciplinary of this phenomenon. Particular attention is paid to the study of the concepts of “border” and “limit”. Through the use of post-modern approach, the authors were able to show the relationship boundaries and transgression. The peculiarities of the concept of religious transgression. In addition, the article provides a contemporary interpretation of the concept of the frontier, which reveals it as a complex and multifaceted phenomenon, which includes a variety of aspects. The authors considered the manifestation of religious transgressions on the spaces of the frontier on the example of the Russian-Ukrainian border.

Keywords: border, limit, transgression, religious transgression, frontier, border areas

На сегодняшний день в научном сообществе все чаще появляются исследования, посвященные пространственной проблематике. Происходит это по ряду причин. Во-первых, это связано с междисциплинарностью феномена пространства. Ведь все более очевидным становится процесс взаимопроникновения наук: социологии, культурологии, философии, географии.

А во-вторых, это вызвано усилением межкультурных контактов, которые кардинально изменили глобальный культурный ландшафт. И в рамках данных научных тенденций особое внимание в исследованиях уделяется понятиям «граница» и «предел».

Размышления о «границе» присутствуют в сфере внимания философии еще со времен Древней Греции. Но сама идея существования и отсутствия границы являлась фундаментом самых первых онтологических трудов философской мысли. Ведь еще до того, как Анаксимандр формировал представления об апейроне как божественном и одновременно материальном *αρχή* мира, и даже до того как платонифагорейская традиция использовала оппозицию «беспредельное – предел», в ранних мифологических картинах мира (Веды, школа орфиков и т.д.) «беспредельное» исполняло роль значимого космогонического принципа [7, с. 50].

Понятия «граница» и «предел», благодаря своей многогранности, прочно вошли в область научных интересов и современных исследователей. Этим объясняется множество подходов к изучению, начиная от математического и заканчивая постмодернистским. Вместе с тем, именно в постмодернизме осмысление феномена границы играет важную роль.

¹⁹ Статья выполнена по гранту президента для молодых ученых кандидатов наук. Проект МК-7152.2015.6 «Социокультурный анализ механизмов религиозной трансгрессии на территории Астраханской области как части прикаспийского фронта». (Article made under the grant for young scientists president candidates. Project МК-7152.2015.6 "Socio-cultural analysis of the mechanisms of religious transgression in the Astrakhan region of the Caspian Sea as the frontier.").